

Леткова Екатерина Павловна

Иван Сергеевич Тургенев

**Общедоступная биография и
характеристика к столетию со дня
рождения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е45

Е45 **Екатерина Павловна Л.**
Иван Сергеевич Тургенев: Общедоступная биография и характеристика к столетию со дня рождения / Леткова Екатерина Павловна – М.: Книга по Требованию, 2023. – 82 с.

ISBN 978-5-519-93334-6

ISBN 978-5-519-93334-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

священнику за свою отходную, была родная бабка Ивана Сергеевича.

Горькия воспоминания о том, что Варвара Петровна испытала в доме вотчима, остались у нее на всю жизнь и прорывались у нее постоянно.

„Ты не знаешь,—говорила она часто своей воспитаннице,—что значит быть сиротою; ты сирота, но ты во мне имеешь мать, ты так окружена моими заботами и моей любовью, что не можешь сознавать своего сиротства“. Или — „Быть сиротою без отца и матери тяжело; но быть сиротою при родной матери ужасно, а я это испытала, меня мать ненавидела“.

В доме дяди Варваре Петровне жилось лучше, хотя он и держал ее в ежовых рукавицах, и она жила почти взаперти в Спасском. Варваре Петровне пришлось покоряться его воле и причудам, потому что это был настоящий самодур, человек, не знавший преград своей власти. Яркое изображение его дал Тургенев в очерке „Однодворец Овсянников“.

„Властный был человек! Обижал нашего брата, рассказывает Овсянников. Ведь вот, вы, может, знаете... Клинт-то... Он у вас под овсом теперь... Ну, ведь он наш,—вес, как есть, наш. Ваш дедушка у нас его отнял; выехал верхом, показал рукой, говорит: Мое владенье,—и завладел.

Отец-то мой покойник (царство ему небесное!) человек был справедливый, горячий был тоже человек, не вытерпел,—да и кому охота свое добро терять? и в суд просьбу подал. Да один подал, другие-то не пошли—побоялись. Вот, вашему дедушке и донесли, что Петр Овсянников, мол, на вас жауется: землю, вишь, отнять изволили... Дедушка ваш к нам тотчас и прислал своего ловчего Бауша с командой... Вот, и взяли моего отца и в вашу вотчину повели. Я тогда был мальчишка маленький, босиком за ним побежал. Что-ж?.. Привели его к вашему дому да под окнами и высекли. А ваш-то дедушка стоит

на балконе да посматривает; а бабушка под окном сидит и тоже глядит. Отец мой кричит: «матушка Марья Васильевна, заступитесь, пощадите хоть вы!» А она только, знай, приподнимается да поглядывает. Вот, и взяли с отца слово отступить от земли и благодарить еще велели, что живого отпустили. Так она и осталась за вами“.

В такой обстановке, одинокая, униженная, как бедная родственница, прожила Варвара Петровна всю молодость. Когда ей было 30 лет—для девушки в те времена это была уже почти старость—дядя умер, и она сделалась владелицей 5.000 человеческих душ и прекрасного имения. Сейчас же появился жених, красивый, легкомысленный, разорившийся помещик. Варвара Петровна любила его искренно; он не скрывал, что женился не по любви. Она была старше его на несколько лет. Замужество было не радостное. Дети видели, что мать их вела „печальную жизнь, беспрестанно волновалась, ревновала, сердилась—но не в присутствии отца; она очень его боялась, а он держался строго, холодно, отдаленно. Это был человек изысканно-спокойный, самоуверенный и самовластный... Одевался очень изящно, своеобразно и просто...

Странное влияние имел он на сына, и странные были их отношения. Он почти не занимался воспитанием сына, но никогда не оскорблял его; он уважал его свободу,—он даже был, если можно так выразиться, вежлив с сыном, только он не допускал его до себя. Мальчик любил его, любовался им, отец казался ему образцом мужчины и сын готов был страстно привязаться к нему, если бы постоянно не чувствовал его отклоняющей руки! Зато, когда он хотел, он умел почти мгновенно, одним словом, одним движением возбудить в сыне неограниченное доверие к себе. Душа мальчика раскрывалась; он болтал с ним, как с другом, как с снисходительным наставником... потом он так же внезапно покидал сына, и рука его опять отклоняла его ласково и мягко—но отклоняла. На него находила иногда веселость, и тогда он готов был резвиться и шалить

с сыном, как мальчик (он любил всякое сильное, телесное движение); раз всего, только раз!—он приласкал сына с такою нежностью, что тот чуть не заплакал... Но и веселость его и нежность исчезали без следа—и то, что происходило между отцом и сыном, не давало мальчику никаких надежд на будущее. «Точно я все это во сне видел,» рассказывает Тургенев в своей повести «Первая любовь», где, по его словам, описан его отец.—Бывало, стану я рассматривать его умное, красивое, светлое лицо... Сердце мое задрожит, и все существо мое устремится к нему... Он, словно почувствует, что во мне происходит, мимоходом потреплет меня по щеке и либо уйдет, либо вдруг весь застынет, как он один умел застывать, и я тотчас же сожмусь и тоже похожу так. „Редкие припадочки расположения отца к сыну никогда не были вызваны безмолвными, но понятными мольбами мальчика, они происходили всегда неожиданно. Размышляя впоследствии о характере отца, сын пришел к тому заключению, что ему было не до него и не до семейной жизни; он любил другое и наслаждался этим другим вполне. «Сам бери, что можешь, а в руки не давайся; самому себе принадлежать—в этом вся штука жизни»,—сказал он однажды. В другой раз, сын, в качестве молодого демократа, пустился в его присутствии рассуждать о свободе (отец в тот день был добрый: тогда с ним можно было говорить, о чем угодно). Свобода?—повторял он—а знаешь ли ты, что может человеку дать свободу?

— Что?

— Воля, собственная воля, и власть она дает, которая лучше свободы. Умей хотеть и будешь свободным, и командовать будешь.

Отец Ивана Сергеевича прежде всего и больше всего хотел жить—и жил... Быть может, он предчувствовал, что ему не придется долго пользоваться «штукой жизни»: он умер лет сорока двух-трех.

Нелады отца с матерью не могли не влиять на ребенка, он не мог не замечать, как мать постоянно в чем-то

упрекала отца, «а он—по своему обыкновению, холодно и вежливо отмалчивался“...

Тургенев знал, что на его холодного и сдержанного отца находили иногда порывы бешенства, и не мог понять, как этот изящный и якобы воспитанный человек не только выносил деспотический уклад в своей семье, но и сам был не менее жесток с домочадцами, чем Варвара Петровна.

Уже через много лет Ив. С. вспоминал с особенным волнением, как отец раз поднялся наверх, в классную комнату детей, и увидел, как гувернер-немец—конечно, не в первый раз,—выведенный из терпения шалостями и невнимательностью старшего мальчика—тряс его за волосы. Отец схватил немца за ворот, приподнял его на воздух и, сбросив его с лестницы второго этажа, приказал слугам собрать сейчас же все его вещи и вывезти его вон из имения.

Про дикие расправы с дворовыми и крепостными и говорить не приходится...

✧ «Мне нечем помянуть моего детства,—вспоминал Ив. С.—ни одного светлого воспоминания. В нашем доме царила непомерная строгость,—матери я боялся, как огня. Меня наказывали за всякий пустяк, одним словом, муштровали как рекрута. Редкий день проходил без розог, а когда я отваживался спросить, за что меня наказывали,—мать категорически заявляла: «тебе об этом лучше знать, догадайся?“

Эта атмосфера „побоев и истязаний“ сделала для мальчика жизнь положительно нестерпимой, и он, несмотря на привязанность к матери и на восхищение отцом, решил уйти от них, бежать, куда глаза глядят. И вот, раз, дождавшись наступления ночи—когда все в доме уснуло, он захватил узелок с провизией и необходимым бельем и, как крот, осторожно побрел по темному коридору. Но тут его поймал немец-воспитатель. Он взял Ив. С. за руку, отвел в детскую, журил, уговаривал, старался доказать всю неблаговидность его поступка. На другой день он долго оставался в комнате Варвары Петровны, и, хотя содержа-

ние их беседы осталось для Тургенева тайной, но с того дня наказания уже не повторялись так часто.

Вскоре после рождения сына Ивана, Сергей Николаевич Тургенев вышел в отставку, и вся семья поселилась в имении Варвары Петровны — Спасском-Лутовинове, в 12 верстах от г. Мценска, Орлов. губ.

Когда Ивану Сергеевичу было четыре года, родители его поехали за границу с детьми, на собственных лошадях, с множеством крепостных слуг, в двух каретах. Они побывали в Германии, Швейцарии и Франции, но это не изменило их отношения к своим „людям“ и, возвратясь в родное гнездо, они зажили обычной помещичьей жизнью. Только к сыновьям приставили иностранных воспитателей, преподавание же русского языка поручили крепостному камердинеру. Главной заботой оставалось, чтобы мальчики научились говорить по-французски и по-немецки, и чтобы на русский язык не тратить ни денег, ни времени. Варвара Петровна сама говорила и читала только по-французски; русской литературы не признавала и не желала, чтобы сын занимался ею. И будущий великий русский писатель должен был прятаться от матери где-нибудь в глухом углу помещичьего сада или в дальней комнате большого барского дома, чтобы слушать камердинера, читавшего ему вслух Ломоносова, Державина, Хераскова... Это придавало его любви к русской книге особый характер: чего-то дорогого, запретного и трудно достижимого.

Ив. С. описал все это в чудесном рассказе „Пунин и Бабурин“.

Пунин — Федор Лобанов, камердинер Варвары Петровны.

„Не могу выразить тех чувств, которые я испытывал, когда, улучив удачную минуту, Пунин являлся—подобно баснословному отшельнику или доброму духу—с большим томом под мышкой. Подавая мне таинственные знаки своими кривыми пальцами и подмигивая глазами, он давал

мне понять головой, плечами, разными телодвижениями, в каком укромном местечке сада он меня будет ждать, и где нас не найдут...

«Вот, наконец, нам удалось выйти из дома незамеченными. Мы в укромном местечке... Сидим рядом... книга раскрывается, издавая запах сырости старой бумаги, но даже этот терпкий запах казался мне тогда удивительно приятным. Я дрожал, волновался, в глубоком молчании следя за его губами, ожидая с замиранием сердца, когда польются сладкие звуки... Наконец, начиналось чтение. Все исчезало у меня из глаз... или скорее умаялось, уничтожалось... заволакивалось туманом, оставляя в душе умильное, доброе чувство!»...

«Пунин, большею частью, выбирал для чтения звучные и торжественные стихи, он влагал в них все силы своей души. Он скорее декламировал, чем читал, говорил с пафосом, несколько гнусавя, как-бы оп'яневший или пьющий... Начинал бормоча, скороговоркой—это значило читать „начерно“, потом уже „набело“, громко, размахивая при этом руками или поднимая их с мольбой или с грозным жестом».

Так мы с ним прочли не только Ломоносова, Кантемира (чем стихи были древнее, тем они более ему нравились), но и Россиаду „Хераскова“. В этой поэме фигурирует женщина-татарка, истинная героиня, имя которой я забыл, но тогда при малейшем об ней напоминании я весь холодел. Признаюсь откровенно, что Россиада увлекала меня тогда больше всего.

„Да,—говаривал при этом Пунин, качая головой,—Херасков не дает спуска! Иногда у него вырываются такие стихи, что чуть устоишь на ногах. Только хочется тебе прочувствовать всю их глубину, а он уже несется дальше, гремит, звучит, как „кимвал“. И какое славное имя—Хер-р расков»!

Слог Ломоносова Пунин находил слишком простым и свободным, а к Державину относился несколько неприяз-

ненно, считая его более царедворцем, чем поэтом-сочинителем“.

Дома у Тургеневых с презрением относились к русской литературе и поэзии, а русские стихи считали за что-то нескромное и даже пошлое. Бабушка Тургенева называла русские стихи не иначе, как „песнями“, и, по ее мнению, каждый русский поэт был непременно или пьяница, или дурак...

Воспитанному в таких понятиях ребенку предстояло одно из двух: или отвернуться от Пунина—он, действительно, был крайне грязен и неряшлив, что несколько претило аристократическим привычкам мальчика, или последовать его „страсти к поэзии“. Последнее взяло верх. Он принялся декламировать, или говоря языком бабушки, „петь песни“ и даже рискнул писать стихи. Первым опытом его ребяческой поэзии было описание «Шарманки». Пунин нашел подражание довольно гармоничным, но не одобрял сюжета, находя его слишком вульгарным, низменным, не стоящим быть воспетым „на струнах лиры“.

Влияние Пунина-Лобанова, несомненно, положило прочный фундамент всей дальнейшей работе детской души, всему умственному складу Тургенева. Ни боязнь матери, ни старания иностранцев-воспитателей не могли помешать кроткому мальчику отдалиться от „дома“ и всего домашнего и создать свою собственную жизнь. Свободные от уроков часы он проводил с крестьянами, видел их существование в неприкрашенном виде и познал очень рано всю «правду» русской жизни. Он не по-детски серьезно присматривался к окружающему, задавая недетские вопросы, хотел узнать, выяснить. Он никогда не играл игрушками, не любил никаких забав, и только природа влекла его. С первых же лет жизни его любимым занятием были птицы. В одной из комнат помещичьего дома был устроен садок, окрашенный в зеленый цвет, и сюда приносил Иван Сергеевич наловленных им сетями птичек, таскал им корм и, вместе со своим приятелем—лесным сторожем, по прозвищу «Бор-

зой»,—проводил целые часы со своими пернатыми друзьями. На дворе, у терассы, были расставлены столы для голубей, и в определенные часы мальчик кормил их. Борзой и крепостные охотники рассказывали ему о жизни птиц, о своих наблюдениях за ними во время перелета, как надо подманивать перепелов, вынашивать ястребов, добывать соловьев с „лешевой дудкой“, или с кукушкиным перелетом. Иногда они приносили мальчику выводки, указывая на особенности пород. Тургенев рано стал убегать на охоту вместе со взрослыми, уходил в лес, на болото и жил в природе. Здесь он научился видеть всю ее красоту и находить для описания ее такие тонкие и верные слова и краски. А главное, здесь он научился любить русскую природу и простого русского человека.

Белые комья облаков в чистой лазури и звезды небесные, и леса, и поля; и золотой голосок малиновки с невинной болтливой радостью, и реющий в воздухе голубь—стали ему понятными, близкими и дорогими, и он, при первой возможности, убегал из дома, несмотря на гнев и наказания матери. Да он и не боялся наказаний. По крайней мере, он не жаловался на них, не описывал их. В те времена наказания, розги входили в воспитание почти каждого ребенка, и никто особенно не считался с ними. Неизмеримо большее впечатление оставили на Ивана Сергеевича истязания крепостных, и этого он не мог ни забыть, ни простить всю жизнь.

Шестилетнему ребенку случалось видеть, как к матери, сидевшей у окна, подходили, понуря голову, ее люди, ссылаемые ею за какую-нибудь провинность и обязанные перед отъездом явиться на поклон к барыне.

Первые годы жизни Ивана Сергеевича все наполнены такими впечатлениями. Варвара Петровна придиралась к слугам с необыкновенной утонченностью, не выносила противоречий за мельчайшую провинность—приговаривала к наказаниям. Но мальчик еще не понимал их сущности и не постигал, что давало начало такому деспотизму, с одной сто-

роны, и такому бесправию — с другой. Это понимание явилось позже и было приговором Варваре Петровне. А пока добрый и любящий сын только старался быть подальше от матери и убегал от нее в лес, в поле, к «людям»...

Так жил И. С. до девяти лет, когда решено было переехать всей семьей в Москву, для воспитания детей.

В начале 1827 года Тургеневы поселились в Москве; купили собственный дом, перевезли из Орловского имения громадный штат прислуги и зажили широкой дворянской жизнью. Ивана Сергеевича сейчас-же поместили в немецкий пансион, а потом отдали жить и учиться к директору Лазаревского Института Краузе для изучения иностранных языков. Мать сама следила за образованием сыновей, не жалела трат, заботясь и здесь, главным образом, об основательном знании иностранных языков. Варвара Петровна была, по тому времени, достаточно образована, ездила за границу, много читала, но только западную литературу. Она сама называла себя женщиной «читающей и понимающей»; она любила и умела писать. Письма ее и дневники написаны своеобразным слогом светской женщины и пересыпаны народными изречениями, шутками, с искренними взрывами негодования, злости, с нежными излияниями и воплями тоски.

Занятия Ивана Сергеевича под ее строгим наблюдением пошли в Москве очень успешно, и он уже в 1833 году, т. е. 15-летним мальчиком, был студентом словесного факультета Московского университета. Но здесь ему пришлось пробыть только год. Старший брат его — Николай поступил на службу в гвардейскую артиллерию, в Петербурге. Мать не хотела отпускать 18-ти летнего сына одного и переехала со всей семьей за ним, переведя и Ивана Сергеевича в Петербургский университет. В этом же году (1834) умер отец Тургенева, и, хотя Варвара Петровна после его смерти решила поселиться в Москве, Иван Сергеевич остался в

Петербурге и, в первый раз почувствовав себя свободным— начал самостоятельную жизнь.

Петербургский университет того времени не стоял в научном отношении на должной высоте: лекции читались по книгам или по запискам на русском или немецком языке и к экзамену вызубривались студентами наизусть. Уровень развития студентов был низкий, наука не интересовала их,—больше пили—и болтали, чем учились, и время проводили в кружках.

Иван Сергеевич стоял гораздо выше их, и эти кружки не удовлетворяли требований талантливой и оригинальной юности. Чем были эти кружки—Иван Сергеевич рассказал позже в своем «Гамлете Щигровского уезда:

«Кружок—да это гибель всякого самобытного развития; кружок—это безобразный замен общества, женщины, жизни... Кружок—это ленивое и вялое житье вместе и рядом, которому придают значение и вид разумного дела; кружок заменяет разговор рассуждениями, приучает к бесплодной болтовне, отвлекает от уединенной благой работы, прививает вам литературную чесотку; лишает вас, наконец, свежести и девственной крепости души. Кружок—да это пошлость и скука, под именем братства и дружбы, сцепление недоразумений и притязаний, под предлогом откровенности и участия; в кружке, благодаря праву каждого приятеля—во всякое время и во всякий час запускать свои неумытые пальцы прямо во внутренность товарища, ни у кого нет чистого нетронутого места на душе; в кружке поклоняются пустому краснобаю, самолюбивому умнику, довременному старику, носят на руках стихотворца бездарного, но с «затаенными» мыслями; в кружке молодые семнадцатилетние малые хитро и мудренно толкуют о женщинах и любви, а перед женщинами молчат или говорят с ними, словно с книгой,—да и что говорят! В кружке процветает хитростное красноречие; в кружке наблюдают друг за другом не хуже полицейских